

Features of institutionalization of communicative legitimacy in the information society

O. A. Ignatjeva¹

¹Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2026-1-50-61

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the study of the features of the institutionalization of communicative legitimacy in the context of the information society. Using a comparative approach to study political practices in the USA, Germany, France, Russia and China allows us to show how digitalization and network communications influence the processes of legitimization of power. Institutionalization of communicative legitimacy means the formation of sustainable processes and institutions that ensure the recognition of power through dialogue with society, transparency of procedures, citizen participation and symbolic gestures. The article also analyzes the affordances of new digital participation platforms (online petitions, public consultations, virtual forums), as well as possible risks - fragmentation of the public sphere, decentralization of legitimation and loss of control over information flows. The article considers the most famous platforms of electronic participation: the White House petition platform in the USA, Grand Débat in France, the Bundestag petition portal in Germany, the Active Citizen project in Moscow, and online petition practices in China. The results of the study allow us to state that the information society creates broad opportunities for institutionalizing the dialogue between the authorities and society, but requires rethinking the mechanisms for maintaining trust and legitimacy. The article presents the similarities and differences in the approaches of national states, and makes recommendations for the development of political institutions of communicative legitimacy in the era of digitalization.

Keywords: communicative legitimacy; institutionalization; information society; digital communication; electronic democracy; public participation; comparative analysis

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ignatjeva, Olga A.	E-mail: olga7919@mail.ru
	ORCID iD: 0000-0002-1658-6427
	Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor

For citation: Ignatjeva O. A. Features of institutionalization of communicative legitimacy in the information society // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2026. Vol. 12, No. 1. P. 50-61. (in Russ.)

Особенности институционализации коммуникативной легитимности в информационном обществе

О. А. Игнатьева¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2026-1-50-61
УДК 32.019.51

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена исследованию особенностей институционализации коммуникативной легитимности в контексте информационного общества. Использование компаративистского подхода для изучения политических практик в США, Германии, Франции, России и Китае позволяет показать, как цифровизация и сетевые коммуникации оказывают влияние на процессы легитимации власти. Институционализация коммуникативной легитимности означает формирование устойчивых процессов и институтов, которые обеспечивают признание власти через диалог с обществом, прозрачность процедур, участие граждан и символические жесты. В статье также анализируются аффордансы новых цифровых платформ участия (онлайн-петиций, общественных консультаций, виртуальных форумов), а также возможные риски: фрагментация общественной сферы, децентрализация легитимации и утрата контроля над информационными потоками. В статье рассматриваются наиболее известные платформы электронного участия: платформа петиций Белого дома в США, «Grand Débat» во Франции, портал петиций Бундестага в Германии, проект «Активный гражданин» в Москве, практики онлайн-обращений в Китае. Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что информационное общество создает широкие возможности для институционализации диалога власти и общества, однако требует переосмысления механизмов поддержания доверия и легитимности. В статье представлены сходства и различия подходов национальных государств, а также сделаны рекомендации по развитию политических институтов коммуникативной легитимности в эпоху цифровизации.

Ключевые слова: коммуникативная легитимность; институционализация; информационное общество; цифровая коммуникация; электронная демократия; публичное участие; сравнительный анализ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Игнатьева, Ольга Анатольевна	E-mail: olga7919@mail.ru ORCID iD: 0000-0002-1658-6427 Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры политического управления
------------------------------	--

Для цитирования: Игнатьева О. А. Особенности институционализации коммуникативной легитимности в информационном обществе // Социальные и гуманитарные знания. 2026. Том 12, № 1. С. 50-61.

Введение

Классическое определение политической легитимности связано с признанием правомерности власти со стороны населения, т. е. с согласием общества с решениями, принимаемыми государственной властью [1, с. 28]. Сегодня формируется представление о коммуникативной легитимности как способности власти получать поддержку со стороны граждан посредством эффективной коммуникации, публичного обсуждения и обратной связи. Цифровые технологии и Интернет привели к появлению новых площадок для осуществления общественного диалога. По мнению исследователей Pew Research Center, Интернет повлиял на появление у граждан новых ожиданий, таких как возможность прямого доступа к информации, влияния на принятие решений и непосредственного взаимодействия с политическими лидерами [2].

Данная статья посвящена анализу институционализации коммуникативной легитимности, т. е. тому, как принципы и практики диалога власти и граждан закрепляются в форме устойчивых политических и социальных институтов, норм и процедур. Институционализация в контексте работ Т. Парсонса, П. Бергера и Т. Лукмана, а также Д. Норта интерпретируется как процесс преобразования спонтанного поведения в нормативно закреплённые «правила игры» [3, р. 97]. По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, «в этом процессе институционализация сама совершенствуется. Хабиитуализации и типизации, совершаемые в совместной жизни А и В, – эти образования, которые до сих пор еще имели качество *ad hoc* представлений двух индивидов, теперь становятся историческими институтами» [4, с. 41]. В контексте коммуникативной легитимности это предполагает формирование таких институтов, которые становятся основой для регулярного, прозрачного и подотчётного дискурса между властью и гражданами. Н. Луман утверждает, что устойчивость политической системы основана на том, безусловное признание принятых решений институционализировано в обществе, т. е. «признание обязательных решений институционализировано как нечто само собой разумеющееся и рассматривается не как результат личного решения, а как результат действительности официального решения» [5, с. 34]. Таким образом, если процедуры участия граждан встроены в политическую практику, то поддержка власти обществом становится привычным делом, т. е. не требует дополнительных усилий со стороны власти, поэтому возникает резервуар легитимности, способствующий стабильности политической системы.

Целью данной статьи является анализ институционализации коммуникативной легитимности в условиях информационного общества. Для достижения данной цели поставлены следующие задачи: 1. Определить этапы и условия институционализации коммуникативной легитимности; 2. Выявить новые формы институтов взаимодействия власти и граждан, возникающие под воздействием цифровизации; 3. Проанализировать национальные особенности институционализации коммуникативной легитимности; 4. Охарактеризовать риски и проблемы институционализации коммуникативной легитимности в цифровой среде.

Методы

Данное исследование имеет качественный характер и опирается на междисциплинарный анализ классических работ Хабермаса, Лумана, Норта, Бергера и Лукмана, а также сравнительный метод. В теоретической части феномен комму-

никативной легитимности проанализирован с точки зрения институционализации на основе работ из политической науки, социологии и теории коммуникации. В качестве ключевых элементов коммуникативной легитимации выделены диалогичность власти, ее транспарентность, гражданское участие, ценностные символы и ритуалы признания. В эмпирической части применён компаративистский подход на основе кейс-стади пяти стран (США, Германия, Франция, Россия, Китай). Для каждой страны отобраны соответствующие случаи (кейсы), демонстрирующие внедрение институтов коммуникативной легитимности, к которым относятся государственные порталы электронных петиций, общественные онлайн-обсуждения, цифровые платформы участия граждан в политическом управлении. Описания кейсов основаны на информации из открытых источников: официальных отчётов, сайтов проектов, аналитических статей с академическим осмыслением их эффективности и контекста. Данный исследовательский дизайн, соединяющий теоретический и кейс-ориентированный анализ, способствует выявлению универсальных закономерностей (общих характеристик коммуникативной легитимности в цифровом обществе), а также уникальных особенностей, обусловленных политико-культурным контекстом.

В настоящем исследовании присутствуют ограничения, связанные с динамикой цифровой коммуникации, которая влияет на быстрое устаревание некоторых институтов коммуникативной легитимности. Однако использование современных источников и компаративистского подхода позволяет сформировать объективный образ современного состояния институционализации коммуникативной легитимности.

Результаты

Понятие коммуникативной легитимности власти предполагает такую легитимацию, которая достигается за счет эффективного публичного диалога власти и граждан в условиях информационного общества. Это означает признание правомерности власти на основании ее способности взаимодействовать с гражданами, учитывая их запросы, объясняя и обосновывая свои решения, вовлекая их в диалог и участие в политическом процессе. Если классические модели легитимности власти основывались на законе, идеологии или харизме, то в информационном обществе в первую очередь учитывается способность власти вести диалог с обществом и демонстрировать прозрачность процедур и ответственность перед гражданами. По мнению Ф. Ранжона, легитимной считается та власть, которой удастся убедительно сообщить обществу основания считать ее таковой [6, р. 234]. Следовательно, легитимность сегодня во многом строится в сфере символического взаимодействия посредством аргументации, информирования, ритуалов публичного признания. Тогда процесс институционализации коммуникативной легитимности можно рассматривать как внедрение коммуникационных практик в институционализированную политическую систему так, чтобы они превращались в устойчивые нормы и механизмы, которые способствуют общественному признанию власти.

Можно выделить несколько этапов и условий процесса институционализации коммуникативной легитимности. На первом этапе появляется запрос общества на более открытую и подотчетную власть. При этом в информационном обществе граждане имеют доступ к разным источникам информации и способны

сами формировать повестку дня через социальные сети, что приводит к ослабеванию традиционных иерархических моделей легитимации. Требования прозрачности, диалога и учета мнения граждан становятся социально значимыми. На этом этапе происходит осознание необходимости коммуникативной легитимации: иногда через волну протестов против закрытости элит, а иногда через падение доверия к институтам, что фиксируют опросы.

На втором этапе власть, стремящаяся к сохранению стабильности, вводит институциональные инновации, реагируя на этот запрос. Под коммуникативными институтами понимаются устойчивые процедуры и организации, предназначенные для обеспечения диалога власти и общества. В качестве таких институтов можно рассматривать общественные приемные и электронные платформы для петиций, общественные палаты и публичные консультации, практики регулярных пресс-конференций и «прямых линий» лидеров с народом, механизмы участия граждан в выработке решений (общественные слушания, рейтинговое голосование по проектам).

На третьем этапе происходит формализация и стандартизация таких практик посредством разработки правовых норм, регламентов, должностных обязанностей, финансовых и технических условий их функционирования. Здесь важно, чтобы новые коммуникативные практики обрели организационное оформление, т. е. были созданы соответствующие департаменты, назначены ответственные лица, установлены сроки и формы коммуникации.

На четвертом этапе происходит постепенное принятие новых норм всеми участниками системы. Так, общество адаптируется к тому, что власть ведет себя открыто и реагирует на запросы, и эта ситуация начинает восприниматься как сама собой разумеющаяся. Внедрение коммуникационных процедур меняет политическую культуру государственной власти. Так, чиновники начинают приобретать навыки публичной дискуссии, уважительного отношения к критике и подотчетности.

В результате устанавливается институциональный равновесный порядок, в котором коммуникативная связка «власть-общество» занимает важное место. По мнению Ю. Хабермас, такая делиберативная модель предполагает, что законы и решения власти обретают свою легитимность именно в процессе коммуникации между государственными органами, бизнесом и гражданским обществом [7, с. 160]. Это приводит к институционализации общественного принятия решений, когда «необходимо наличие социальной среды, в которой (обобщенное) признание решений как самоочевидное институционализировано» [5, с. 185].

Успешный процесс институционализации коммуникативной легитимности предполагает выполнение следующих условий. Во-первых, должно быть нормативно-правовое обеспечение свободы информации и слова. Если отсутствует свобода прессы, не урегулированы права граждан на информацию и выражение мнений, то коммуникативные институты «власть-общество» могут носить имитационный характер. Во-вторых, должна быть создана технологическая инфраструктура информационного общества, т. е. высокий охват населения Интернетом, доступ к цифровым платформам, позволяющим налаживать широкий общественный диалог. В информационном обществе многие коммуникационные форматы (электронные петиции, онлайн-обсуждения, социальные сети) основаны на цифровых технологиях, поэтому цифровое неравенство может ограничивать их институционализацию.

В-третьих, в обществе должен быть развит гражданский сектор и партисипативная культура. Если такая культура не развита, а граждане не доверяют самим возможностям диалога, то созданные формальные институты (например, публичные слушания) не наполнятся реальным содержанием. Вовлечение гражданского общества в диалог делает его партнером для власти в новых коммуникативных институтах. В-четвертых, должна присутствовать политическая воля и готовность элит предоставить часть управленческих полномочий гражданам. Институционализация транспарентности и обратной связи часто связана с наличием самоконтроля у власти и ограничения собственных полномочий. Например, признание принципа, что важнейшие решения принимаются только после широкого обсуждения с обществом, означает отказ от кулуарной практики, а это возможно только при осознании долгосрочной выгоды от повышенной легитимности. В-пятых, это поддержание институциональной искренности коммуникации. Если новые механизмы используются для реального принятия решений в диалоге с обществом, то это повышает доверие к государственной власти, и такие механизмы институционализируются.

Таким образом, рассматриваемые условия охватывают правовую, техническую, социально-культурную и политико-административную сферы и создают благоприятную среду для превращения коммуникации в устойчивые институты.

Информационное общество характеризуется повсеместным распространением информационно-коммуникационных технологий, высокой скоростью обмена информацией в глобальных сетях, а также повышением важности знаний и данных. Процесс легитимации власти в цифровом измерении имеет двойственную природу. С одной стороны, Интернет и новые медиа позволяют сделать власть транспарентной, позволяют информировать о настроениях граждан и мобилизовать их участие. Однако, с другой стороны, они становятся причиной фрагментации единой публичной сферы, осложняя управление информацией и подрывая доверие через распространение дезинформации.

Информационно-коммуникационные технологии существенно расширили возможности для прямой демократии и обратной связи. Те действия, которые раньше требовали физического присутствия на собраниях и митингах или сложных процедур отправки писем и петиций, теперь можно мгновенно осуществлять онлайн. У государственной власти появились инструменты для оперативного информирования населения (официальные сайты, аккаунты в соцсетях, онлайн-трансляции заседаний). Граждане, в свою очередь, получили новые каналы для выражения мнения: от простого комментирования новостей в социальных медиа до участия в краудсорсинговых обсуждениях законопроектов. Так сложился феномен электронного участия как институционализированной практики вовлечения граждан через электронные средства, например, официальные порталы петиций. В 2011 г. в США при Администрации Обамы была запущена платформа «We the People», давшая возможность любому гражданину создавать обращения к Белому дому и собирать для них подписи в онлайн-режиме. За первые 5 лет на этом портале было размещено 480 тысяч петиций, а в системе зарегистрировалось 29 миллионов пользователей, которые оставили свыше 40 млн. подписей [8]. Если петиция набирает 100 тыс. подписей, то она получает официальный ответ администрации. Этот институт стал важным каналом коммуникации: «первая в своем роде цифровая платформа, которая дала американским гражданам возможность напрямую общаться с Белым до-

мом» [Там же]. Подобные платформы были созданы и в других странах. Так, в 2005 г. была запущена платформа электронных петиций Бундестага (Германия), благодаря которой уже к 2010 г. было зарегистрировано свыше 2100 петиций, которые собрали около 3 млн. подписей [9]. В Российской Федерации институт электронных петиций представлен в виде раздела на портале РОИ (Российская общественная инициатива), созданном в 2013 г. Такие порталы позволяют институционализировать классически демократический инструмент – петицию, размещая ее в цифровом формате, что повышает ее эффективность и охват аудитории.

Еще один не менее эффективный цифровой формат – это общественные обсуждения. Например, в 2019 г. во Франции был проведен важный эксперимент «Grand Débat National», который представлял собой общенациональные дебаты в ответ на митинги «жёлтых жилетов». В течение 2 месяцев граждане подали на онлайн-платформу около 2 миллионов предложений и комментариев, было организовано около десяти тысяч встреч с местными властями, собраны «тетради жалоб» в 16 000 муниципалитетов [10]. Данные дебаты стали одними из крупнейших в Европе в качестве примера демократической консультации граждан. Президент Франции Э. Макрон попытался таким образом институционализировать практику прямого диалога между правительством и гражданами. Некоторые предложения в рамках Grand Débat, такие как снижение налогов для малоимущих, смягчение экологического налога, были учтены, однако действительная институционализация данного формата во Франции пока под вопросом.

Постепенно цифровые платформы становятся новыми институциональными формами коммуникативной легитимности, среди которых можно упомянуть общественные форумы при органах власти, электронные общественные советы, сайты для электронных консультаций по проектам нормативных актов, сервисы для обращений граждан, такие как портал «Наш город» в Москве или система «12345» для подачи жалоб в Китае. Интересно, что в КНР государственная власть использует информационно-коммуникационные технологии для мониторинга общественных настроений. Так, алгоритмы анализируют соцсети на предмет выявления проблемных вопросов, а местные чиновники обязаны отвечать на обращения в сервисах «Вопрос к правительству» на цифровой платформе Weibo, что представляет собой институционализацию обратной связи, когда каналы жалоб открыты, чтобы предотвратить недовольство общества, но при этом находятся под контролем государства. Цифровые технологии позволяют властям понять ожидания общества и скорректировать политику [11]. Таким образом, информационное общество позволяет сформировать гибкую, обучаемую власть, способную слышать и принимать запросы своих граждан в режиме онлайн.

В цифровую эпоху возникают институты, ранее не существовавшие вообще. Помимо упомянутых электронных петиций и форумов, это, например, онлайн-голосования по городским проектам. В Москве с 2014 года действует проект «Активный гражданин», который является платформой для электронного голосования жителей по вопросам городского благоустройства и услуг. К 2024 г. количество зарегистрированных участников достигло семи миллионов человек [12]. Платформа использует элементы геймификации, которые предполагают присвоение соответствующих баллов и статусов участникам, а также дают возможность получения призов и подарков за активную, созидательную работу [13, с. 92]. Еще одной продвину-

той платформой является цифровая платформа московского правительства «Город идей» (бывшая платформа «Краудмос»), которая позволяет не только голосовать за инициативы московского правительства, но и выдвигать свои собственные инициативы по благоустройству г. Москва. [14, с. 139]. Так, институт онлайн-референдумов закрепился в столичных городах России (в г. Москва и г. Санкт-Петербург), платформы для общения региональных и муниципальных властей с населением появились и в других субъектах Российской Федерации. В мире также развивается практика взаимодействия на основе цифровых делиберативных панелей. Так, в Мадриде появилась платформа Decide Madrid, которая позволяет горожанам вносить предложения и выносить их на голосование. В Тайване платформа eTaiwan создана для онлайн-обсуждения законопроектов с участием экспертов и граждан.

В рамках наднациональных инициатив необходимо отметить пример Европейского союза, экспериментирующего с транснациональным электронным участием. В 2021–2022 гг. состоялась Конференция по будущему Европы, которая включала сочетание онлайн-платформы идей и серии панельных дискуссий граждан из всех стран ЕС [15]. Данное мероприятие было направлено на выработку рекомендаций по реформам ЕС. Несмотря на консультативный характер итоговых предложений Конференции, данный институт общеевропейского электронного обсуждения является интересным прецедентом институционализации коммуникативной легитимности на наднациональном уровне.

Однако цифровизация не только приводит к положительным моментам, но и является причиной существенных вызовов для институционализации коммуникативной легитимности:

Первой проблемой стала децентрализация и фрагментация публичной сферы. Если в эпоху массмедиа существовало относительно ограниченное количество участников, распространяющих информацию (газеты, радио, телевидение) и модераторов дискурса, то Интернет сделал легким процесс распространения информации, устранив «стражей» (gatekeepers). Социальные сети и цифровые платформы сделали возможным прямое распространение информации без редакторов и проверок [2]. Персонализированные алгоритмы Facebook¹, X/Twitter создают эффект эхо-камер, когда пользователи видят в основном то, что подтверждает их взгляды, избегая альтернативных мнений [16, с. 11]. Это приводит к раздробленной информационной среде, в которой каждые группы населения имеют разные факты и нарративы. Для власти это означает трудности в поддержании единого легитимирующего нарратива, поскольку единая официальная коммуникация распадается на множество параллельных дискурсов, некоторые из которых противостоят друг другу или имеют конспирологический характер. Классическим примером является рост теорий заговора и дезинформации в социальных медиа, которые подрывают доверие к государственным институтам по отношению к пандемии и выборам. Так, поток неотфильтрованной информации в Интернете приводит к тиражированию конспирологических интерпретаций, которые дают простые ответы на сложные вопросы [2], что снижает легитимность официальных решений, так как они подвергаются мгновенному оспариванию и обращению к мнению блогеров как альтернативных экспертов.

¹ Принадлежит медиакорпорации Мета, признанной экстремистской. Ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации

Второй проблемой является утрата монополии государства на коммуникацию. Так, в информационном обществе власть больше не является основным источником истины. На сцену выходят противоборствующие акторы: от НКО и независимых СМИ до иностранных агентов влияния, которые пытаются сформировать свою собственную аудиторию. Авторитет официальных экспертов падает, когда блогеры и другие активисты могут привлечь миллион граждан, противопоставляя свои сообщения официальной позиции. Чтобы справиться с этой ситуацией, государству приходится активизировать свое присутствие в социальных сетях, опровергая фейки и выстраивая прямой диалог через новые медиа. Например, нынешний президент США Д. Трамп вообще превратил X/Twitter в основную площадку легитимации своей политики. Однако нарастание «цифрового популизма», при котором сложные вопросы решаются под нажимом эмоционально мобилизованных в сети масс, может стать причиной институциональной нестабильности. С. Родота утверждает, что недопустимо превращение цифровой среды в глобальный паноптикон или в формальную демократию, в котором граждане лишь имитируют участие [17, р. 17]. Следовательно, необходимо балансировать между открытостью власти и фильтрацией конструктивного вклада, чтобы институционализированное участие не превращалось в хаотичное «управление толпой» через социальные сети.

Следующим вызовом являются киберриски и манипуляция. Цифровая коммуникация может быть объектом кибератак и манипуляций, что оспаривает ее надежность в качестве канала легитимации. Часто влиятельные национальные игроки используют Интернет для информационного воздействия на общественное мнение за рубежом [18, с. 20]. Скандалы вокруг выборов – от утечек данных до фейковых кампаний в социальных сетях – демонстрируют уязвимость демократических процессов [19, р. 35–38]. Кроме того, большинство стран старается контролировать внутреннее цифровое пространство для сохранения коммуникативной легитимности. Так, КНР создал систему «Великого файрвола», цензуры и мониторинга, ограничив доступ граждан к глобальным социальным сетям и требуя от местных платформ строгой модерации «нездорового контента» [11]. Но создание контролирующих коммуникативных институтов может вызвать отторжение у части общества и толкнуть его к поиску информации у оппозиционных блогеров. Однако эти меры могут привести и к росту доверия к нарративу официальных экспертов и усилить поддержку населением проводимой политики как способа защиты от внешнего врага.

И, наконец, еще одной очень важной проблемой является кризис достоверности и экспертного знания. Институционализированная коммуникативная легитимность предполагает, что граждане доверяют официальным каналам и воспринимают их как достоверные. Однако в цифровую эпоху авторитет официальных источников значительно подорван. Так, постправда, дипфейки и анонимность источников приводят к тому, что даже проверенная информация оспаривается. Национальные власти запускают программы фактчекинга, сотрудничества с цифровыми платформами для пометки фейков, но возврат доверия происходит медленно. Ключевой задачей становится институционализация новых норм информационной этики без ущемления свободы слова. Законодательные инициативы, например, закон против фейковых новостей в период выборов 2018 г. во Франции, имеют спорную природу с точки зрения защиты прав человека. Но нерегулируемая онлайн-сре-

да также опасна для сохранения доверия общества. Эта сложная дилемма, которую еще предстоит решить национальным государствам.

Обсуждение

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что коммуникативная легитимность является важным фактором устойчивости власти в XXI веке, а её институционализация становится ключевой задачей для всех типов политических режимов. В демократических государствах цифровизация открыла новые возможности для прямого вовлечения граждан в диалог с властью, но при этом бросила вызов традиционным политическим институтам. По мнению С. Родота, возникает некая «непрерывная демократия», когда граждане могут влиять на решения власти не только на выборах, но и постоянно, через каналы онлайн-коммуникации [17, р. 19]. Это ситуация делает необходимым переосмысления дизайна политических институтов, например, посредством интеграции элементов прямой и делиберативной демократии в существующую политическую систему. Такими формами взаимодействия могут быть гражданские панели при парламентах, которые будут обсуждать законопроекты онлайн параллельно с комитетами, и чьи решения также должны учитываться, а также система электронного консультирования, предполагающая публичное обсуждение постановлений на правительственном портале в течение определенного промежутка времени. Для успешного развития диалога власти и населения необходимо обучать чиновников работе с общественным мнением, а граждан – повышению медиаграмотности и развитию навыков конструктивной дискуссии. В авторитарных и гибридных режимах признаётся необходимость учитывать общественное мнение, когда власть сохраняет монополию, но при этой стараются быть внимательной к обращениям граждан.

Основными направлениями совершенствования институциональных моделей коммуникативной легитимности могут быть следующие:

1. Создание гибридных площадок диалога, позволяющих комбинировать онлайн-инструменты с офлайн-дискуссиями.
2. Усиление роли модераторов и посредников в цифровом дискурсе, например создание общественного медиационного совета, который следит за качеством публичных онлайн-дискуссий и обладает авторитетом у власти и граждан.
3. Образование и информированность, которые предполагают некоторый уровень медиаграмотности у населения, позволяющий идентифицировать манипуляционные элементы.
4. Прозрачность алгоритмов, предъявляющая требования к цифровым платформам раскрывать принципы работы рекомендательных систем и обеспечить общественный аудит их влияния на дискурс.
5. Многоуровневая легитимация, когда национальные власти согласовывают свои действия с международными структурами на основании международных рейтингов (рейтинга открытости правительства, индекса e-participation ООН), перенимая лучшие практики друг у друга.

Заключение

Информационное общество радикально меняет практику политической коммуникации, заставляя правительства искать новые способы для приобретения

и сохранения доверия граждан. Институционализация коммуникативной легитимности означает создание цифровых платформ участия, прозрачных процедур обсуждения и символических практик диалога. В демократических странах наблюдается развитие электронных демократических институтов, хотя остается необходимость преодоления проблем фрагментации и постправды. В авторитарных и гибридных режимах к коммуникационным механизмам прибегают для осуществления контроля, но при этом признается необходимость обратной связи для поддержания устойчивой власти. Анализ опыта разных стран позволяет утверждать, что каждая страна имеет свою комбинацию политических и социальных институтов, которые отражают ее режим и политическую культуру. Однако необходимо отметить возрастание роли коммуникативной рациональности в поддержании власти. Теперь легитимность связана не только с традицией или идеологией, но и со способностью государственной власти внятно и аргументированно обосновывать свои решения, привлекать граждан к диалогу и отвечать на общественные запросы. Таким образом, институционализация коммуникативной легитимности является залогом устойчивости и адаптивности национальных государств в цифровую эпоху.

Ссылки

1. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1972. 943 s.
2. Publics in Emerging Economies Worry Social Media Sow Division, Even as They Offer New Chances for Political Engagement / A. Smith, L. Silver, C. Johnson, J. Jiang // Pew Research Center. 13.05.2019. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2019/05/13/publics-in-emerging-economies-worry-social-media-sow-division-even-as-they-offer-new-chances-for-political-engagement-2/> (дата обращения: 01.08.2025).
3. North D. Institutions // *Journal of Economic Perspectives*. 1991. Vol. 5, No. 1. P. 97-112. URL: <https://pubs.aeaweb.org/doi/pdfplus/10.1257/jep.5.1.97> (дата обращения: 01.08.2025). EDN: BIYCPT
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
5. Luhmann N. *Legitimation durch Verfahren*. Berlin: Suhrkamp, 1983. 260 s.
6. Rangeon F. Communication politique et légitimité // *Revue française de science politique*. 1990. Vol. 40, No. 2. P. 233-246.
7. Игнатъева О. А Эволюция концепций легитимности политической власти // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 2. С. 152-163. DOI 10.18255/2412-6519-2024-2-152-163
8. In Review: We the People (petitioning system) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2016/12/28/we-the-people-five-years-of-online-petitions/> (дата обращения: 03.08.2025).
9. Public petitions in the German Bundestag // Participedia. 14.05.2013. URL: <https://participedia.net/case/4160> (дата обращения: 03.08.2025).
10. Mazuir V. Le Grand Débat National // *Les Echos*. 08.08.2019. URL: <https://www.lesechos.fr/politique-societe/politique/gilets-jaunes-le-grand-debat-national-347046> (дата обращения: 04.08.2025).

11. Drinhausen K., Sadeler Ch., Shi-Kupfer K. China's fragile online spaces for debate // Merics. 21.02.2025. URL: <https://merics.org/en/report/chinas-fragile-online-spaces-debate> (дата обращения: 04.08.2025).
12. Число участников проекта "Активный гражданин" достигло семи миллионов // Russia Today. 09.08.2024. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/1352459-moskva-proekt-uchastniki> (дата обращения: 04.08.2025).
13. Сморгун Л. В. Блокчейн как институт процедурной справедливости // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 88-99. DOI 10.17976/jpps/2018.05.08
14. Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникаций на цифровых платформах. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2021. 310 с.
15. Conference on the Future of Europe // European Commission. 17.06.2022. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/new-push-european-democracy/conference-future-europe_en (дата обращения: 05.08.2025).
16. Русаков А. Ю. Эхо-камеры в современной массовой культуре // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2. С. 11-15. DOI 10.30725/2619-0303-2019-2-11-15
17. Rodotà S. Democracy, innovation, and the information society // Conference Proceedings "Information Society: Governance, Ethics and Social Consequences". Belgium: University of Namur, 2007. P. 17-25.
18. Современная информационная война / Л. А. Журавлева, Е. В. Зарубина, А. В. Ручкин, Н. Н. Симачкова, И. П. Чукина // Образование и право. 2022. № 9. С. 18-26. DOI 10.24412/2076-1503-2022-9-18-26
19. Raisinghani M. The Impact of the Internet on Politics: The "Net Effect" on Political Campaigns and Elections // International Journal of E-Politics. 2011. Vol. 2, No. 4. P. 29-40.